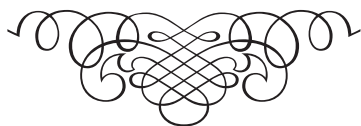

*Хрупким и уязвимым душам,
любящим других, но не себя*

СОДЕРЖАНИЕ

Небольшое уточнение	7
Чезаре Аннунциата.....	8
Нас разделяет только одно.....	13
Старая кошатница	23
Парочка цирковых уродцев.....	32
Соевые котлеты.....	45
Я родился мягким, а умру черствым.....	53
Упущения	58
Нельзя спасти того, кто этого не хочет.....	69
Первая из трех недосягаемых женщин	79
Эмма	86
Супермен в юбке.....	109
Мое фиаско	124

Мозговой центр.....	131
Там, где талиб	141
Два сапога пара.....	167
Хотел бы я быть Гормити	178
Вторая из трех недостижимых женщин.....	199
Кладовка с воспоминаниями.....	206
Колокольчики над ухом	226
In vino veritas	254
По собственному разумению.....	268
Непрерывный поток.....	275
Как облака.....	285
Стеклянный шар.....	296
«Пятое мая» наизусть	306
Третья из трех недостижимых женщин	314
Непредвиденный вариант	325
Мне нравится	335
Моя благодарность.....	348

НЕБОЛЬШОЕ УТОЧНЕНИЕ

Мой сын не такой, как все. Он это знает. И я это знаю. Хотя сам он никогда мне в этом не признавался. Ничего страшного — есть масса людей, которые решают подождать, пока родители умрут, чтобы перестать скрываться и с полной свободой переживать собственную сексуальность. Только вот со мной такое не пройдет: я еще долго собираюсь топтать землю, уж как минимум годиков десять. И если Данте захочется быть свободным от предрассудков, то, значит, ему придется начхать и на вашего покорного слугу. Мне помирать ради его сексуальных предпочтений даже и в голову не придет.

ЧЕЗАРЕ АННУНЦИАТА

Один лишь будильник составляет мне компанию, нарушая тишину своим тиканьем. В этот час люди обычно спят. Говорят, что раннее утро — это наиболее подходящее время, чтобы видеть сны: мозг находится в фазе быстрого сна, при которой к человеку приходят сновидения, его дыхание учащается, а глаза под закрытыми веками быстро двигаются. В общем, не самое приятное зрелище — как будто в кого-то вселились бесы.

Я никогда не вижу снов. Во всяком случае, я ничего особенного не помню. Может быть потому, что сплю я мало и просыпаюсь рано. А может быть потому, что я слишком много пью. Или всего лишь потому, что я старик, а к старости сны иссякают. У мозга была целая жизнь на порождение самых причудливых фантазий, и естественно, что со временем вдохновение теряется. Сила воображения у каждого с течением жизни достигает своего пика, а потом в какой-то

момент неизбежно идет на убыль, и под конец своих дней ты даже не в состоянии представить себе, как занимаешься сексом. В юности же, наоборот, все начинается именно с этого — с фантазий о невероятных страстных ночах с очередной эстрадной звездой, с одноклассницей или даже с учительницей, которой неведомо почему вдруг захотелось оказаться в объятиях молокососа с едва пробивающимися усиками и кучей прыщей. Конечно, изобретательность просыпается еще раньше, с самого детства, но я считаю, что подростковая мастурбация очень сильно влияет на развитие воображения.

Мое воображение было очень развитым.

Я решаю открыть глаза. Все равно в таких условиях не заснешь, как ни старайся. В постели мозг совершает поразительные путешествия. Например, у меня всплывает мысль о доме моих бабушки с дедушкой. Я могу видеть его будто наяву, пройти по нему из одной комнаты в другую, почувствовать запахи, доносящиеся из кухни, услышать скрип дверцы шкафчика в столовой или щебет птиц на балконе. Мне удается даже разглядеть обстановку — я помню каждую самую маленькую деталь, вплоть до безделушек на мебели. А если я сожму веки покрепче, то у меня получится поймать свое отражение в бабушкином зеркале, снова увидеть себя ребенком. Я знаю, я говорил, что больше не вижу снов, но это касалось времени, когда я сплю. Когда же я бодрствую, мне еще найдется о чем рассказать.

Я бросаю взгляд на часы и позволяю себе тихонько выругаться под одеялом. Я думал, что уже пять утра, но еще всего лишь четыре часа с четвертью. На улице темно, где-то вдалеке с равными промежутками завывает автосигнализация, во влажном воздухе все кажется зыбким, и кошки, свернувшись в клубок, спят под машинами.

Весь квартал погружен в сон, я наедине со своими мыслями.

Я переворачиваюсь на другой бок и заставляю себя снова опустить веки. Правда в том, что в постели мне не удастся полежать спокойно даже одну минуту, я высвобождаю энергию, накопленную в течение дня — примерно как море летом собирает дневную жару, чтобы отдать ее ночи. Моя бабушка говорила, что, когда тело знать не желает об отдыхе, нужно заставить его сохранять неподвижность; спустя какое-то время оно поймет, что бунтовать напрасно, и успокоится. Только вот чтобы привести в действие подобный план, необходимы терпение и самообладание, а у меня уже давно закончилось и то и другое.

Я замечаю, что мой взгляд прикован к книге, лежащей на тумбочке у моей кровати. Я часто рассматривал обложку этой книги, однако сейчас мне бросаются в глаза детали, раньше от меня ускользавшие. Меня вдруг охватывает оторопь, и чуть погодя я понимаю, в чем дело: мне удастся различать буквы вблизи. Никто во всем мире в моем возрасте не способен этого делать. За минувшее столетие технологии

сделали гигантский шаг вперед, но дальноркость по-прежнему остается неразрешимой загадкой для науки. Я подношу руки к лицу и понимаю причину моего внезапного и чудесного исцеления: я в очках, которые теперь надеваю машинально, не отдавая себе в этом отчета.

Настала пора вставать. Я иду в туалет. Не стоило бы об этом рассказывать, но я старик и делаю то, что мне вздумается. Короче, я мочусь сидя, как это делают женщины. И не потому, что меня не держат ноги, а потому, что в противном случае мой кра-ник обольет все вокруг, включая настенную плитку. Ничего не поделаешь, этот хрен с определенного возраста начинает жить своей собственной жизнью. Ему — так же, как и мне (и наверное, как и всем старикам) — наплевать на тех, кто хотел бы научить его жить, и он делает все по-своему.

Тот, кто жалуется на старость, — просто ненормальный. Даже не так, лучше, мне кажется, сказать — слепой. Человек, не видящий дальше своего носа. Ведь альтернатива у старости только одна, и она мне не кажется слишком желанной. Даже дожить до нее — это уже большое везение. Но самое интересное — это то, что, как я уже говорил, ты можешь позволить себе делать все, что захочется. Нам, старикам, позволено все, и даже дедок, ворующий в супермаркете, будет выглядеть в чужих глазах невинным и вызывающим сочувствие. А вот если во-

ровать будет парень, то в самом лучшем случае его назовут «проходимцем».

Другими словами, в определенный момент жизни перед тобой открывается новый, ранее недоступный тебе мир — волшебная страна, населенная любезными, внимательными и приветливыми людьми. Все же самое ценное, что удается завоевать благодаря старости, — это уважение. Духовная целостность личности, ее солидарность, талант и культура — ничто перед высохшей как пергамент кожей, старческими пигментными пятнами и трясущимися руками. Как ни крути, сегодня я всеми уважаемый человек, и, слушайте, это совсем не пустяки. Уважение — это то оружие, которое позволяет человеку прийти к цели, для многих недостижимой, и сделать со своей жизнью то, что ему хочется.

Меня зовут Чэзаре Аннунциáта, мне семьдесят семь лет, и семьдесят два года и сто одиннадцать дней моей жизни я пустил коту под хвост. Потом я понял, что пришло время обратить в свою пользу заработанное старостью уважение, чтобы начать получать от жизни настоящее удовольствие.

НАС РАЗДЕЛЯЕТ ТОЛЬКО ОДНО

Сегодня утром мне позвонила Зева, моя старшая дочь.

— Папа?

— Привет.

— Слушай, мне нужна твоя помощь...

Мне не стоило отвечать. Опыт нужен именно для того, чтобы не совершать всю жизнь одни и те же idiotские поступки. Меня же прошлое ничему не учит, и я без особых размышлений продолжаю действовать инстинктивно.

— Ты не заберешь Федерико из школы? У меня слушание, я поздно освобожусь.

— А Диего не может этого сделать?

— Нет, у него дела.

— Понятно...

— Ты же знаешь, что я не стала бы тебя просить, если бы у меня был другой выход.

Не могу пожаловаться: я хорошо воспитал своих детей. Я не тот дед, что обычно забирает своих вну-

ков. При виде этих жалких старичков у школы — когда они, например, останавливают машины, чтобы перейти дорогу, — меня бросает в дрожь. Да, я знаю, они приносят пользу вместо того, чтобы киснуть дома на диване, но все-таки ничего не могу с собой поделаться: дед, выполняющий свой «гражданский долг», является для меня чем-то вроде катушки с фото-пленкой, телефонной кабины, жетона на метро или видеокассеты — предметов давно ушедшей эпохи, потерявших свои настоящие функции.

— И что потом, куда мне его отвести?

— К тебе, или можете прийти ко мне на работу. Да, давай так, приведи его сюда, пожалуйста.

Сейчас я стою перед школой в ожидании моего внука. Я поднимаю воротник пальто и сую руки в карманы. Я пришел заранее — этому, в числе прочего, я научился с возрастом. Как организовать свой день. Господи, не то чтобы у меня было много чего планировать, но это небольшое я предпочитаю упорядочить.

Звонок Зевы расстроил мои планы. Я собирался пойти в парикмахерскую, сегодня вечером у меня романтическая встреча с Россаной. Она проститутка. Да, я хожу к девкам, и что с того? Во мне еще не погасло желание, требующее удовлетворения, а рядом со мной нет никого, кому бы я был обязан отчетом. В любом случае, я немного преувеличил: не то чтобы я снимаю на улице шлюх — хотя бы потому, что это было бы не просто, когда едешь на автобусе; права же у меня просрочены, и я не стал получать новые. Россана — это